

18+

Владимир Мамута

ЛЕГЕНДА О КРЫЛЬЯХ

Повесть

Владимир Мамута

Легенда о крыльях. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65961266

ISBN 9785005511577

Аннотация

В четвёртой книге автора всё в пропорциях настоящей жизни – серьёзная повесть и маленький юмористический рассказ. При этом и повесть и рассказ основаны на невыдуманных, но необычных событиях.

Содержание

ЛЕГЕНДА О КРЫЛЬЯХ	5
1.Земляк. Ноябрь, 2020	5
2.Шура. Октябрь, 1942	19
3.Другие. Ноябрь, 2020	32
4.Бойкие дворики. Ноябрь, 1942	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Легенда о крыльях

Повесть

Владимир Мамута

© Владимир Мамута, 2021

ISBN 978-5-0055-1157-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕГЕНДА О КРЫЛЬЯХ

Повесть

1. Земляк. Ноябрь, 2020

По широкому стеклу окна, обозначавшему границу между томным светом зала в меру пафосной кафешки и тьмой позднего ноябрьского вечера, сбегали унылые струйки морозящего дождя, поблескивающие в свете фар проезжающих машин. Я сидел у окна и наблюдал, как змеящиеся струйки налипшие на стекло копили воду и, накопив наконец, по очереди сбегали вниз. Конечно, по очереди, потому что любой хаос скрывает неочевидный порядок.

За окном было темно, холодно и сыро. В кафешке, где праздновался день рождения моего давнего знакомого Славика, поблескивавшего во главе ряда из нескольких составленных столов не так давно пробившейся лысинкой, было тепло и даже уютно. Славика пасла заботливая и милая супруга Людочка, поэтому он никак не мог *догнать* своих гостей и был печален, словно Демон Сидящий на картине художника Врубеля.

Мероприятие с претензией на юбилей, ввиду сложившейся симметрии цифр, уже вошло в стадию, делающую его

неотличимой, скажем, от поминок, когда подвыпившие гости сбиваются в стайки по интересам, позабыв о поводе собрания, чтобы погалдеть в каждой стайке своё под приятную – респект жокею – ненавязчивую музыку. Я перевёл взгляд от окна к столу с начавшими подсыхать остатками закусок, початыми бутылками и прочей снедью. Ни к одной стайке я так и не прибился, выпивать мне больше не хотелось, и я налил себе минералки, потому что расположившийся по правую от меня руку человек в серо-синем официальном костюме, по имени Николай, вдруг вспомнил о виновнике торжества... ну, или приличиях.

Николаю было лет под пятьдесят, и трудился он, кажется, в каком-то ведомстве по линии министерства культуры чиновником... средней руки. Я был ему когда-то, по случаю, представлен виновником торжества, но поскольку эта самая *линия* меня никогда особо не интересовала, знакомство так и осталось формальным. Поддержав *славословие* Николая минералкой, я отщипнул виноградину от поредевшей кисти, сиротливо валявшейся на полупустом блюде из-под фруктов, отправил её в рот и прислушался к оживлённой речи сидевшего напротив в компании сверстников парня лет тридцати пяти, в черном свитере, худого и длинного, с длинными же тёмными волосами, стянутыми на макушке резинкой в шишку, похожую на ручку от крышечки заварочного чайника. Наверное, университетский, подумал я, потому что сын Славика писал диссертацию в университете, на какой-то

там кафедре.

– Слушайте, это потрясающе, – горячо говорил парень, явно воодушевлённый вниманием симпатичной брюнетки с яркими, парадоксально синими глазами, глядевшей ему прямо в рот, – они сравнили структуру нейронных сетей мозга с сетью галактик вселенной.

Я вяло подумал, что было бы органично, если бы сейчас из-под крышечки на макушке парня повалил пар.

– Представляете, разница масштаба мозга и вселенной – двадцать семь порядков, и при этом... Мозг наш – это нейронная сеть из семидесяти миллиардов нейронов. Наблюдаемая вселенная – это порядка ста миллиардов галактик. И мозг, и вселенная имеют структуру из длинных нитей и узлов, и это около тридцати процентов массы каждой системы, а семьдесят процентов приходятся на среду, играющую... условно, конечно... пассивную роль – воду в мозге и темную энергию во вселенной... Представляете, что там творится, на стыке наук?

– А откуда сведения-то? – неожиданно поинтересовался Николай, до этого пытавшийся насадить на зуб своей вилки горошину от давно съеденного оливье, – «дзен»?

– Да нет, – вежливо и немного обиженно ответил парень, – «Фронтирс физэйкс», журнал такой... Итальянцев статья. Серьёзно ребята поработали – спектрометрия, морфология...

– Главное, что не *английские учёные*... А вы физик, да?

– Ну, типа того...

– И что, по-вашему, всё это означает?

– Ну... Там много ещё чего... Извините, а ваша специальность... А то, умничать ещё начну...

– Далеко от физики. Этномузыкология, если что-то говорит...

– А... – опешил длинный физик, не забыв, впрочем, мельком улыбнуться своей даме – ну, там много ещё чего. Главное, пожалуй... Вот смотрите. Эволюция таких, вроде, принципиально разных систем, имеет общие физические принципы... Здесь может быть очень много удивительных следствий...

– Нда... – задумчиво пробурчал Николай, – четвёртый век до нашей эры...

– Что-что? – не понял Физик.

– Да так... Платон, «Тимей»... Человек создан по подобию вселенной. Причем, для Платона человек – это именно что *голова*, а все его остальные части – ручки, ножки, огуречек там – так, подпорки для головы, – улыбнулся Николай.

Я посмотрел на него с уважением: неожиданно для чиновника – этномузыколога изложил... Правда, на чиновника не сильно и похож – простецкое круглое полноватое лицо без следов загара, вздёрнутый широкий короткий нос, тонкие губы, мягкие светлые волосы, светлые серые небольшие глаза в обрамлении белесых ресниц... На *этномузыколога*? На Сократа похож, решил я, имея в виду общеизвестный

бюст философа и лихую ссылку на Платона. Между тем Физик, покосившись на синеглазую брюнетку, решил постоять за точные науки, а я тем временем предположил про себя, что таких синих глаз не бывает, и это, наверное, у брюнетки линзы.

– Какой?.. – то ли не расслышал, из-за пронзительно вдруг расхохотавшихся по известному лишь им поводу двух дам, сидевших слева наискосок, то ли обиделся Физик, и продолжил язвительно, – а-а... Ну да, Платон... Что он, этот Платон, в виду имел, и что толкователи за тыщу лет сверху понакрутили? Ну так, в плане транспарентности... Подобие... Мы-то, конечно, со своею физикой – детский сад, малышковая группа... Подобие...

Хорошо, прокомментировал сам себе я, этномузыкологии не помянул. Молодец, сдержался.

– За две с хвостиком, – поправил Физика Николай.

– Что?

– Тысячи лет... Эх, ребята... Вы бы русским языком больше излагали, чем туману напускать. Транспарентность... Вот бабушка моя, колхозница... село Татарники, двести километров от облцентра, лесостепь, семь классов образования... Царствие ей небесное... Так она цитировала в переводе, как минимум, с греческого, но, однако ж, на русский: – «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...». Скажет, и вздохнёт – задумчиво так. Впрочем, я, конечно, не против физики, я за.

Стройте, конечно строите свою башню, Бог вам в помощь, только о фундаменте не забывайте, а то получится опять – Вавилонская...

Физик уже остыл и явно потерял к теме интерес, сосредоточившись на своей брнетке, я же заинтересовался ещё больше. Правда, не чудесами науки – конечно же удивительными, и всё такое – а предполагаемым адресом бабушки соседа, потому что у моей был, похоже, тот же адрес. Хотя, вряд ли бабушки наши были подругами – моя-то была неграмотной, от того, несомненно, что существенно старше.

– Николай... Извините, как вас по отчеству? – спросил я.

– Да ладно, можно даже Коля, чай не в офисе...

– Хорошо, Николай, воля ваша... Татарники – это не те, что на юге области?

– Ну да, те... За Острожском.

– Тогда получается, что мы, в известном смысле, земляки. У меня там родня была – бабушка, тётки, брат двоюродный... Матушка оттуда...

– Была?

– Ну да. К сожалению. Кто помер, кто уехал...

– А я родился там, – оживился Николай, – и среднюю школу закончил... В семнадцать лет... тоже уехал, в институт культуры поступать.

– На этномузыко... ведение!

– ...Логию, да. Так-то, на баян собирался, но не прошёл. Что там за *школа*, в нашем клубе... Но играл хорошо, да

и сейчас могу, не забыл! Потом-то я ещё учился, но представляться этномузыкологом люблю. Народ зависает.

– Ну да, я заметил. Так у вас же там ещё известный ансамбль был кажется, этнографический... забыл...

– Получается, что у нас, всё-таки?.. «Рябинушка». Участвовал в нём, в старших классах, на баяне наяривал... Только он и сейчас есть! Присматриваю за ним.

– По линии минкультуры?

– Ну да, – улыбнулся Коля по-доброму так, душевно, – искусство – штука такая, требует присмотра... В хорошем смысле, конечно. А может, по рюмочке, за земляков? Вон, коньячок неплохой вроде...

Бутылка была ближе ко мне, и я плеснул в рюмки. Выпив, мы помолчали.

– А вот как вы там, на своей *линии*, определяете, где искусство, за которым надо присматривать, а где не поймёшь, что – во мне, неожиданно для себя самого, вдруг реализовалась всенародная подозрительность к государевым людям, – а то, что-то, этого *не поймёшь чего* – немерено...

– Линии – это в Питере. В Москве улицы, а у нас... – засмеялся Николай.

– *Порядки*, – поддержал я, – помню, помню! Мне всегда эти названия нравились – Гулидовка, Барнаул, Пятилетка... Ну, Пятилетка – понятно, а почему такой порядок – Барнаул?

– А вот не знаю. Барнаул и Барнаул. Что до искусства...

У меня есть своя мерка. Дело безусловно тёмное, но, дополнительно к известным определениям, я думаю, что искусство – это то, что не поддаётся тиражированию.

– Как так? А кино?

– Не в этом смысле. Кино сразу делается в расчете на множество равноценных копий, в этом его смысл, как искусства. И при этом, не каждое кино искусство, а только то, которое нельзя повторить – приёмы, ракурсы, идеи, работа актеров, ритм, печать времени – много чего. Вот ремейки в кино – это тиражирование. Технология. Нравятся ремейки?

– Не-а...

– Во-от... Это сразу чувствуется. Или на живом концерте – каждый раз что-то по-другому. Нельзя повторить. Звук, голос, настроение, реакция зала, реакция музыкантов на реакцию зала... А под фанеру – тираж, не искусство. И ещё, пожалуй. Может быть даже главнее, но совсем непонятно, как это ухватить... Вот, ребята, – он показал взглядом на компанию Физика, – башню свою строят. И мне понятно, что нельзя по-другому, чтобы всех живущих одеть и накормить. Они её по правилам строят, по технологии – научный метод называется. Согласно методу, нужно всё время эту стройку проверять. Если вдруг при проверке окажется, что дважды два – четыре и одна сотая, то это ошибка, и надо разбирать кусок возведённой кладки, и складывать по-другому. Технология в общем, что значит – умножение, тираж. Потому что любая технология предполагает возможность успешного повторе-

ния результата в любом количестве. Тираж – он и есть материальный прогресс, к которому все привыкли, и от которого никто уже не откажется – *до последнего*. Ни я не откажусь, ни вы. А в искусстве – тут ты просто чувствуешь, что вот так правильно, а так – ложь, потому что резонанс возникает с чем-то важным, что внутри тебя самого, от природы твоей. Наверное, как раз потому, что созданы мы по подобию вселенной. Так вот мне и кажется, что башню свою они не построят, если не будут ещё и с этим резонансом сверяться, потому что однажды та самая одна сотая пролетит незамеченной, а опереться уже не на что будет. Может быть, эта сотая уже лежит в самом фундаменте, никем не замеченная, и расплзается ржавым пятном. Только не до того им, как думаете? Как в Бога, в методу свою верят. Страшно. Вавилон, Гоморра, Содом... И Рим ещё... «...Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». Это я бабушкиного Екклесиаста процитировал. Ладно... Так где там родня ваша жила, в Татарниках?

Я не сразу понял, что можно не комментировать неожиданное рассуждение о технологиях и искусстве, требующее, конечно, осмысления, поэтому возникла короткая пауза, заполненная разноголосой речью, звоном стекла и какой-то негромкой джазовой композицией с нарочито вытянутыми низами.

– Да я даже... На Городском, кажется... Что я там знал – по малолетству наезжал с родителями, вишни трескал, да

молочком запивал. Чудная смесь! Место знаю, названия слышал, а названия к месту применить... Вот старший брат жил там лет десять, тот всё знал – да только не спросить уже...

– А я на Поляне, это от Городского недалеко, та же сторона. Помянем ушедших?

Мы выпили ещё, и я почувствовал, что мне хватит. По крайней мере, нужен перерыв.

– А кто же родня? – продолжил расспросы Николай.

– Бабушка – Матрёна Фёдоровна Дегальцева, дочь её – тётя Люба моя, Карпелянская. У них хаты были через три двора по улице... По порядку, то есть.

– О! Так у тёти Любы сын не Санька ли был? Я его знаю, баянист хороший. Две дочери у него ещё были, постарше меня. Пил, помню, Санька... сильно. Давно помер уже...

– Было такое, – согласился я.

– Матрёна... Матрёна. Точно. А ведь прабабушка моя кумою ей была. Я прабабушку свою, правда, не застал, но на могилку её с бабушкой ходил. Так там, недалеко совсем, видел Матрёны памятник – пирамидка такая деревянная со звездой, и к ней мраморная доска, не маленькая, пошире пирамидки, приделана была, с фотографией. У бабушки моей память хорошая была, Екклесиаста вон чуть не наизусть помнила. Да... Так она могилку Матрёны вашей мне показала, и даже целую легенду о ней рассказывала, и не раз – как на Пасху на погост ходили. Думаю, ей самой

эта легенда нравилась... Может, покурить выйдем? Что-то уже... проветриться хочется.

Я согласился, хотя и не курю. Сидеть на месте надоело, да и про легенду заинтриговало, и даже польстило – всё-таки приятно, и даже волнует, что близкого тебе человека, спустя много лет – да что уж там, много больше сорока прошло – помнят, и даже легенды про него слагают.

Мы протиснулись между столиками, миновали невеликий хоровод вяло движущихся в ритме звучащего блюза томных дам, устроенный на единственном свободном месте у входа, отыскивали в тесной гардеробной свои куртки и вышли на крыльцо, укрытое нешироким козырьком. Влажный прохладный воздух, ещё хранящий терпкий аромат недавно опавших листьев, проник в лёгкие. Тёмные силуэты лип, выстроившихся вдоль улицы, были тщательно прорисованы, будто искусным гравёром, красноватым светом фонарей, подсвечивающим низкие тяжёлые облака. Ноябрьская ночь, подобно текстам Екклесиаста, щедро дарила ощущение печали и даже безысходности.

– Угощайтесь...

– Я не курю.

– Правильно. А я вот – никак...

Между глубокими затяжками Николай держал сигарету над стоящей у входа урной, аккуратно и своевременно стряхивая пепел на стальную решётку, словно извиняясь за такое своё слабование.

Дождь к ночи явно усилился. Метрах в шести от нас на дороге накопилась солидная лужа, и проезжающие изредка машины каждый раз поднимали искрящийся в свете фар фонтан брызг, не рискуя приблизиться к сплошной осевой. Брызги опасно летели в нашу сторону и разбивались о тротуар совсем близко. Поначалу мы каждый раз с тревогой поглядывали на дорогу и, при приближении автомобиля, отступали на полшага к стене, но вскоре убедились в безопасности происходящего.

– Так что там за легенда? – наконец напомнил я взглянув на Николая, задумчиво глядящего куда-то совсем уж далеко.

– Что? Ах, да... Бабушка так рассказывала. Матрёна сама не из Татарников была, а из Кержинки, это километрах в четырёх... Там у нас интересно всё, вперемешку. Скажем, Татарники москальские, а Кержинка хохляцкая. И по всей округе так. Но ничего, дружно жили...

– Да-да, я знаю...

– Мужа её Иваном звали, и вот тётя Люба ваша, она не от Ивана, а от первого мужа Матрёны была. А от Ивана, в Кержинке, две младшие дочери родились, ещё задолго до войны. Если правильно помню, Шура и Клава...

– Правильно, – с удовольствием подтвердил я благодарно улыбнувшись, заметив, что Николаю тоже было приятно, что он так хорошо угадывает.

– А потом, как коллективизация началась, Ивана по доносу в Сибирь сослали, где он и помер, а Матрёна с маленьки-

ми дочерями в Татарники перебралась... Кержинка-то так, хутор, а Татарники – село большое, прокормиться легче... А может, и другие какие причины, тут не знаю... Жили, понятно, тяжело. Матрёна в колхозе трудилась, но даже и на заработки, на Донбасс ходила, а дочки маленькие здесь оставались. Возможно, и у прабабушки моей – не зря ведь кумой названа... Здесь не знаю, врать не буду. Наверное, были добрые люди. А уж как она это дело оформляла по тем временам... Говорят ведь, что паспортов у селян не было. Тут тоже не знаю. Тогда, я слышал, многие из наших мест на Донбасс как-то ходили – голодно было... Да. Только дочек, в итоге, Матрёна всё же подняла. Старшая, вроде, ещё до войны техникум в Острожске закончила, на учительницу выучилась, а младшая, хоть и болела долго, уже после войны – на зоотехника. В общем, не так плоха Советская власть оказалась...

Николай замолчал, вновь задумавшись.

– Что же, и вся легенда? – огорчённо спросил я спустя минуту, отметив впрочем про себя, что начал мой собеседник вполне складно, и даже в эдакой былинной стилистике, не предполагающей скорое завершение рассказа.

Ну нет, – встрепенулся Николай, и продолжил с прежним воодушевлением, – это только присказка, увертюра, введение, историческая справка... потому что не может легенда существовать в безвоздушном пространстве. Помните, как сказки начинаются? «...В некотором царстве, в некотором

государстве, за морями, за долами, жил царь – государь, и было у него три сына...». Ну, или три дочери. А там уж, у каждой сказки – своё продолжение. Заметьте, что у Матрёны в нашей легенде именно три дочери.

– И правда, – подтвердил я, – довольно эпично. И при этом *чистая* правда, хоть и говорят, что сказка – ложь.

– Настоящая сказка – не ложь вовсе, а уменьшительная форма от слова «сказание». Эпос, говоря высокопарно.

– Наверное, сказки ложью с намёком стали только лет двести назад, когда литераторы подключились, а народ рассказывает из того, что было, то, что помнит, разве только пробы фантазией восполняет – для целостности сюжета. Ну, и счастливый конец желателен.

– Точно. А легенда такая. Закончила Шура свой техникум, и только начала трудиться учительницей, как война началась. А как фашисты к Татарникам подошли уже совсем близко, ушла она из села, чтобы под немцем не остаться, и шла, шла прочь от фронта, пока не повстречалась на той войне с лётчиком...

2. Шура. Октябрь, 1942

– Вот дура ты, Катька, – с неподдельною обидой в голосе проговорила Шура не открывая глаз, будто в надежде вернуть ускользавшее уже видение – мне мама снилась...

Шура ещё помнила свой сон... Они с мамою сидят на лавке, у длинного стола из тёплых струганых досок, мама крепко обнимает её, прижимая к груди, плачет и говорит: « – Йды, йды Шурка. Нам з Клавкою ничего не зроблять, а з тобою або снасыльнычают, або в Нимеччына выкрадуть...». Терпко пахнет свежесобранная целебная трава, пучки которой, подвешенные к потолочной жерди, сохнут, дожидаясь зимы. Косой луч света, в котором парят пылинки, искрящиеся и не поддающиеся счёту как звёзды на ночном небе, пробившийся через маленькое окошко из четырёх стёклышек, разделённых переплётом, в белой бугристой мазаной мелом стене, нарисовал сияющий крест на тёмном земляном полу... То ли сон, то ли память. Тогда, в июле, через Татарники прошли на Дон военные с пушкой, и заночевали у них на дворе, а когда на утро уходили, старший сказал матери, будто извиняясь, что немец будет через неделю, самое большее, через две, и что до Дона, наверное, уже не остановят его... Они говорили, сидя за этим столом из струганых досок. На столе лежали несколько варёных картофелин, Шура стояла у двери в сени, а скособоченная некрасивым горбом

Клавушка, успевшая уже *натерпеться* за свою коротенькую жизнь, сидела на лавке в уголочке и глядела на всех испуганно... За день тогда собрали котомку с вещами, бумажками с важными подписями и с фиолетовыми печатями, а на другой день они с Катькою дошли до райцентра. Только райком комсомола уже готовился к эвакуации, поэтому секретарь добавил к их бумажкам ещё какие-то справки и сказал, что надо добираться в Михайловку, за Дон, ну, а там следует идти в военкомат, и уже в военкомате скажут, что делать... Тогда они прибились к веренице беженцев, что тянулась к переправе через Дон. Успели...

Когда Шура всё-таки открыла глаза, смирившись с неизбежностью, оказалось, что Катька стоит на самом верху рва, который через несколько дней, сомкнувшись в непрерывную линию, должен был стать противотанковым, и виден был лишь её тёмный силуэт на фоне блёклого октябрьского неба, с которого не торопясь опускались редкие снежинки чтобы, коснувшись земли, обратиться в холодную влагу. Правда, голова Катьки была повёрнута в профиль – она смотрела в сторону Дона, от которого было всего-то дня четыре пешего ходу до Татарников, если бы не разделившая их жизнь на «до» и «после» линия фронта – и поэтому можно было рассмотреть её курносый нос и пухлые губы.

– Не слышишь, что ли, – не обратила внимания на обидное определение в свой адрес Катька, потому что они с Шуркою друг на дружку уже *очень давно* не обижались, пожалуй,

что с ещё совсем недавнего детства, – летят, гады! А нам к дяде Ване идти сегодня, забыла, да? Дрыхнешь тут... на работе, между прочим.

Шура, одетая в серый подпоясанный верёвкой ватник, такой же, как у Катьки, только великий для неё на два размера, свернулась калачиком на роскошном ложе из мелкого белого песка, открывшегося часа два назад под слоем противной неподатливой глины, и *не слышала*, потому что до дна рва унылый гул авиадвигателей пока не добрался. Она расположилась по-домашнему уютно, подложив под покрытую серым шерстяным платком голову перепачканные ладошки, едва видные из рукавов, и спрятала ноги под непомерно длинные полы ватника словно под одеяло.

– Ну вот какой он тебе дядя, Кать? Иван Дмитриевич он, товарищ капитан!

Военком Иван Дмитриевич был замотанным хромоногим мужчиной лет под пятьдесят, с красным обветренным морщинистым лицом и всегда усталыми голубыми глазами, с тростью в левой руке и одинокими золотыми прямоугольничками на красных петлицах.

– О-ох, *учителька*, тоже мне. Поучи! Дя-деч-ка Ва-неч-ка он! Ты только не рассказывай никому, а то у него пистолет в кобуре и палка, рассердится ещё, – совсем развеселилась Катька, – а я тогда не расскажу, что ты *дрыхнешь*.

– Ну и дрыхну – потому, что так есть меньше хочется. А норму мы уже выполнили, и бригадир записал... Летят

они... Что же нам, что летят? – ответила она равнодушно, очень правильно выговаривая слова, – они элеватор опять бомбить будут... Или станцию... Ты лучше ко мне спускайся, от греха, всё равно теперь идти нельзя... Пристраивайся рядышком, так теплее будет.

Катька сбежала наискосок по откосу рва, плюхнулась за спиною Шуры, обхватила за плечи сильными руками и принялась тормозить.

– Просыпайся, а то так и Царствие Небесное проспичь! Все домой уже ушли!

Сон от такого обращения прошёл окончательно, Шура села, обхватив колени руками, и посмотрела вверх. Прямо над ними, натужно воя моторами, кажется, что не торопясь, аккуратно рядами плыли самолёты с крестами на крыльях. Минуты через две затявкали зенитки, донёсся звук разрывов, и вскоре самолёты, судя по звуку поодиночке и в рассыпную, полетели назад.

– Хоть бы сбили кого, – сердито прокомментировала Катька, – ну что, пойдём? Слушай, подруга, что же ты бледная такая, будто смерть? Замерзла, да? Отошала совсем... Идём скорее, согреемся... Лопату свою не забудь... Надоели уже мне эти лопаты... Хотя бы на этот раз дядя Ваня не обманул.

Когда девушки добрались до райцентра, уже смеркалось. Военкомат располагался в старом купеческом двухэтажном особнячке из красного кирпича, на небольшой пыльной пло-

щади рядом со станцией. Суета и движение, захлёстывающие эту площадь с раннего утра, уже отступили. У крыльца, рядом с часовым, опершись обеими руками на трость, одиноко стоял сам военный комиссар Иван Дмитриевич и наблюдал за тем, как метрах в трёхстах от него вокруг одинокого обгоревшего грузового вагона на подъездных путях, словно муравьи вокруг дохлого жука, копошатся рабочие, а маневровый паровоз, суетливо выдыхая клубы пара, отталкивает подальше уцелевшие вагоны.

– Здравствуйте, товарищ капитан, – окликнула Шура.

Иван Дмитриевич оглянулся.

– А... Вы опять, – проговорил он сердито простуженным голосом, – вот что же вы туда рвётесь-то так, а? Нечего там девчонкам делать, уверяю вас.

– А мы, Иван Дмитриевич, имеем право, – бойко зачастила Катя, – нас комсомол направил. Месяц уже к вам ходим, а всё бестолку. Что же нам, жаловаться, что ли? Почему такое отношение?

– Потому что, а ля гер ком а ля гер, – поморщился капитан и кивнул головою в сторону станции, – и здесь крови хватает, даже слишком, знаете ли...

Девушки недоумённо переглянулись.

– Что-что?

– Ничего. Пойдём. Да лопаты-то часовому оставьте, не украдут ваши драгоценности...

В просторном кабинете на втором этаже капитан усел-

ся за свой стол и принялся перебирать какие-то бумаги, небрежно указав девушкам на выстроившийся у стены ряд канцелярских стульев.

– Так... Екатерина Николаевна...

Катя привстала со своего стула.

– Сиди, помню. Ага... Девушка ты, я смотрю, крепкая...

Семь классов... Значит так, – капитан вздохнул, помолчал немного и продолжил, – с учётом вашего добровольного обращения и в соответствии с Приказом Народного комиссара обороны Союза ССР товарища Сталина за номером двести двадцать четыре, от двадцать третьего числа сего месяца, сего года, призываю вас к службе в составе зенитной артиллерии, в звании рядового бойца Рабоче-крестьянской Красной армии. Приказываю явиться завтра, в девять часов утра, для оформления документов, получения довольствия и отбытия к месту службы. Служить, наверное, прямо здесь и начнёшь, дочка... Сегодня зенитный расчёт при налёте осколками на чисто выбило. На войне, видишь ли, такое бывает... А там... там уже, как война распорядится... Не передумала ли, Катя?

– Нет, – решительно и серьёзно ответила Катя.

– Ладно. Отвечать по уставу командиры научат...

А до утра думай. Думай крепко, дочка, потому что потом поздно будет думать!

– А мне с Катей можно? – забеспокоилась Шура.

– Александра Ивановна... Учительница начальной школы, – усмехнулся капитан, – полтора аршина с каблучками...

Вот и учила бы детишек!

– Я сильная! А учить не могу. Под фашистом школа моя.

– Верю, что сильная, – вздохнул капитан, опустив глаза, – но на сегодня предложить могу только работу в качестве вольнонаёмного обслуживающего персонала в батальоне аэродромного обслуживания, сокращённо БАО. В общем, лётчикам обеды подавать, что довольно важно для боевого духа войск, рекомендую согласиться. Заодно и подкормишься, а то смотреть больно. Завтра из части машина должна быть, к середине дня, а может и раньше... за текущим довольствием придёт, вот с нею и отправишься. Тут недалече, вёрст сто пятьдесят...

Помолчав секунду, он добавил:

– А там, глядишь, и фашиста из школы твоей выгоним... с такими-то бойцами!

– Хорошо, – нерешительно согласилась Шура.

– Не *хорошо*, а так точно! Приходи завтра с вещами, вместе с подругой, пораньше, а то разминёшься с машиною, как тебя потом туда переправлю?

Девушки встали и нерешительно направились к двери.

– До свидания, – сказала Шура.

– Бригадиру доложите... И инструмент свой сдайте...

– Хорошо...

– Завтра, чтобы как штык! – услышали они вдогонку, когда уже спускались по скрипучей деревянной лестнице.

На улице было совсем темно ещё и потому, что окна, где

мог бы гореть свет, были плотно зашторены так, чтобы ни один лучик не мог пробиться на волю. Со стороны станции протяжно рывкнул гудок, лязгнули вагонные сцепки, в медленно нарастающем темпе застучали колёса вагонов на стыках рельс и неясный отсвет приглушённого паровозного прожектора чиркнул по выщербленным кирпичам стены военкомата.

– Шур, а Шур... Что же, расставаться нам теперь? – вздохнула Катька.

– Свидимся, Катя, не навеки же война... Не надо о плохом думать... Пойдём скорее, пока час не настал, *доложимся*...

В тесной кабине полуторки, где кроме шофёра с трудом разместился грузный дядька – командир в шинели с синими петлицами и с автоматом, Шуре места не хватило, да и не положено было. Она устроилась между мешками с крупой у переднего борта, подальше от подпрыгивающих на ухабах ящиков, и ей было хорошо и уютно, хотя и тревожно, потому что какое может быть спокойствие посреди совершенной неизвестности...

Вокруг, до самого горизонта, была лишь степь, высланная бурой засохшей клочковатой травой, разрезанной кое – где тёмными провалами редких овражков, да со случающимися изредка островками какого-то кустарника. Даже вор он, вечно круживших над Михайловкой, не было видно. Назад убегала разбитая скользкая в лужах колея, на обочинах ко-

торой порою можно было заметить рваные провалы воронок с опалёнными краями и залитым мутной водой дном, а однажды встретился начисто обгоревший остов, по всему видно, такой же как у них полуторки. Пока Шура устраивалась в кузове, ещё в Михайловке, командир с шофёром курили у борта, и командир, посмотрев на низко стелящиеся облака, заметил удовлетворённо, поправляя шапку:

– Вроде везёт, Петренко... На весь день нелётная погода... Давай, трогай с Богом.

Командир, которому она отдала своё предписание, был доброжелателен, хотя и не удержался, выдавая сухой паёк, от неуместной шутки на счёт её роста и худобы, а шофёр был неразговорчив, и только перед тем как *тронуть с Богом*, молча бросил ей в кузов замызганный овчинный полушубок.

– Спасибо, у меня ватник тёплый, – застеснялась она.

– Укройся, дурочка. Околеешь на ветру, – пробурчал шофёр и сердито хлопнул дверью.

Часа через три, когда уже стало смеркаться, похолодало и пошёл мелкий, мокрый, противный снег пополам с дождём, Шура укуталась в полушубок до самого подбородка, и теперь ей было видно только серое унылое небо в снежной ряби, слышно только унылое завывание мотора да скрежет изредка переключаемой передачи под аккомпанемент стука неудержимо прыгающих по кузову ящиков. Тогда она закрыла глаза и услышала, как мама говорит ей:

– Шура, донечка, зыиж картопли з молочком... Потим

книжка свойи подывышся...

А потом... потом ей даже и не снилось ничего.

Проснулась Шура от вдруг наступившей тишины, она открыла глаза и увидела... Вернее, ничего не увидела, разве только смутные очертания бортов кузова, потому что было уже совсем темно. Через мгновение хлопнула дверь и раздался зычный голос командира:

– Эй, ты жива ли там... как тебя? Дегальцева, да? По-одьём! Ну, здорова ты, Дегальцева, спать! Два раза останавливались, так хотя бы пошевелилась. Выгружаемся!

Она перебралась через борт, нащупала ногою колесо и спрыгнула на землю.

– Что мне делать, товарищ командир?

– Ничего не делай, без тебя управимся. Значит так, Дегальцева. Я твой непосредственный начальник, старшина Евдокимов. Работать завтра начнёшь, а сейчас... видишь вон ту избу?

Шура осмотрелась. Машина, похоже, стояла на улице, вдоль которой выстроились редкие домики – мазанки, похожие на их с мамою, только крытые камышом, а не соломой. По краям окошек некоторых домов пробивался скудный, колеблющийся свет. Ноги разъезжались по жидкому слою грязи, сдобренной мокрым снегом. Старшина Евдокимов показывал на ближайший домик.

– Вижу, товарищ старшина.

– Евдокимов.

– Да, я помню.

– Ну и молодец. Вот там размещены вольнонаёмные, вроде тебя. Старшая сейчас Прохорова. Запомнила?

– Прохорова. Запомнила...

– Скажешь ей от моего имени, что ты поставлена на довольствие. Пусть разместит и накормит. В общем, как в той сказке – утро вечера мудренее. С утра на службу, ну а мы разгружаться. Давай Дегальцева, не печалься, вперёд... Заводись, Петренко!

Старшина запрыгнул в кабину и хлопнул дверью, загорелись узкие щели фар с козырьками, кое – как осветив грязь перед собою, колёса букснули, полуторка съехала кузовом в сторону и тронулась, а Шура, помедлив секунду, направилась к двери в мазанку вольнонаёмного состава, нащупала лепесток щеколды и открыла дверь в тесные сени, за которой была другая, чуть приоткрытая дверь. Через узкую щель пробивался жёлтый свет керосиновой лампы и слышались звонкие девичьи голоса.

– Нинка, идёт кто-то. Небось Евдокимыч вернулся.

– Да слышала я. Машина прошла. Занавеску задёрни, не срамись...

Шура затворила за собою входную дверь и нерешительно толкнула дверь в комнату.

– Здравствуйте, – тихо проговорила она, осматриваясь.

Слева, в углу, громоздилась печь, справа, у стены, стоял стол с лавкой. Поперёк комнаты была натянута верёв-

ка с ещё колышущейся, только что задёрнутой занавеской из весёленького цветастого ситчика. На полочке, закреплённой к стене, колеблющимся светом горела керосиновая лампа с закопчённым стеклом, а у стола стояла стройная, крепкая девушка с длинными волосами, заплетёнными в толстую косу, в форменных гимнастёрке и юбке, только без знаков различия.

– Во... Ты кто?

– Мне Прохорову. Товарищ старшина Евдокимов направил.

– А! Здравствуй. Ну, слава Богу, дождались. Какую неделю ему говорю – работать некому. Разродился наконец... Тебя как звать?

– Александра...

– Саша, значит. А я Прохорова и есть, Нина.

– Из-за занавески выглянула пухлая, босая девушка с короткими шелковистыми соломенными волосами, в белой рубахе, кое-как заправленной в форменную юбку, с любопытными круглыми серыми глазами, обрамлёнными густыми белесыми ресницами.

– Так нет Евдокимыча, что ли?

– Да он машину разгружать поехал, а мне велел сюда идти. Сказал, что я на довольствии.

– Ну, ясно, что не в древнем рабстве. За вещами на склад завтра пойдём – приоденешься как положено – а сейчас накормить тебя надо, – проговорила Нина, оценивающим

взглядом рассматривая Шуру, – с утра небось не ела.

– У меня сухой паёк есть, – будто извиняясь сказала Шура, торопливо развязывая свою котомку.

– На стол клади свой паёк. Вон, в печке картошка горячая, достану сейчас. Поужинаешь, чаю попьем, познакомимся. Танька, ты чего стоишь, воду носи... Её Таня зовут, мы вместе в одной смене теперь будем... Слей Саше, небось пропылилась вся. В кузове, небось, ехала?

– В кузове... Растрясло всю...

– Ну вот... Тань, да ты кипятку-то в ведро плесни, чтобы тёплая была. Холодрыга же на дворе, застудится...

Через полчаса они сидели за столом, и Шуре, в первый раз с того дня, как весною пришла похоронка на её сводного брата Афанасия, было наконец спокойно и хорошо, потому что новые подруги приняли её как равную, потому, что с кожи и волос наконец была смыта противная липкая глиняная грязь, потому, что варёная картошка была горячее, и эту картошку можно было щедро обмакнуть в соль... А ещё потому, что жизнь Шуры – по крайней мере на ближайшее время – наконец-то определилась.

3. Другие. Ноябрь, 2020

– Ну да... Шла, шла, пирожок нашла... По чистому полю с аютиными глазками, через синие реки с берёзовыми мосточками, под голубыми небесами с весёлыми ласточками, и – повстречалась. На земляничной полянке, надо полагать, – прокомментировал я начало легенды, изложенное Николаем, – точно, да... как в сказке.

Конечно, Николай услышал иронию в моих словах.

– Про берёзовые мосточки – поэтично, у вас талант... Да я понимаю, о чём вы, – проговорил он, задумчиво разглядывая своё отражение в лужице, растёкшейся по асфальту под нашими ногами, – то есть, *о чём* – это я формально понимаю, а как это в реальности – даже и представить себе не могу. В том смысле, что вот так – взять, выйти в чисто поле с котомкой за плечами, и куда-то идти не знамо куда от догоняющей тебя линии... Фронта, между прочем. Я ведь предполагаю, по какой дороге она ушла. Там и сейчас просто пыльный просёлок. Асфальт, потом уже, по другой дороге проложили, а раньше в райцентр *там* ходили... Шура, конечно, в райцентр пошла. Всё-таки железная дорога, власть какая-то... Только это сорок километров, между прочим. Пусть даже летом... Сколько может унести двадцатилетняя девочка в котомке за плечами? При том, что, наверное по большей части босиком шла, чтобы какие-нибудь единственные башма-

ки не разбить... Мы вот с ребятами, в благословенном студенчестве... в походы на выходные ходили, а на самом деле – водки попить и побезобразничать. Пешком – от трамвая до электрички, ну и от электрички километров десять. В глушь, так сказать. Ну, пусть на три дня ходили. Так у пацанов рюкзаки были килограммов на двадцать, у девчонок на десять... Хорошо, минус водка... Всё равно. А ежели – *незнамо куда*? Если сказать, что люди другие были – так это ни о чём...

– Ни о чём? Наверное, и ни о чём, если в анатомическом смысле. Только я тут вашего Платона вспомнил, как он человека определял...

– Это вы про «Тимея», что ли? Про *голову*? – неожиданно нервно отреагировал на моё замечание новоиспечённый земляк, как если бы я его ни с того ни с сего ущипнул за ляжку, – ну, он же это не в анатомическом смысле, он же идеалист скорее... У него как. Наверху – *Ум* – Творец, от *Ума* происходит мировая душа, и соответственно мировое тело, в совокупности космос, от них – человеческие душа и тело, в совокупности человек. А ниже уже мухи и камни. То есть, сначала идея, а от неё – материя... Древность эдакая, давно раскритикованная и истлевшая в пыль. Всё тихо и спокойно, живи себе, да потребляй с удовольствием здесь и сейчас... А тут неудобство – астроном этот озабоченный, с этим своим «Фронтирс» ... Вот вам и древность, получите и распишитесь.

– Именно. Тогда получается, что всё-таки – другие. Они – другие. Или, правильнее сказать, что мы – другие, потому что они ближе к началу, а мы... мы к концу.

– Это я вас своим пессимизмом заразил, – сказал Николай, на этот раз примирительно и даже с виноватой улыбкой, – что-то прохладно стало. Мурашки даже какие-то... Может, коньячку немножко, ежели этот... *транспарентный* оставил?

– Невзлюбили строителя башни? – спросил я, открывая дверь в кафе и пропуская Николая вперёд.

– Да ну его, – он решительно направился к нашему столу мимо всё так же вяло движущегося, правда теперь уже под какую-то бодрую попсу, хоровода, – вот он точно – другой.

– В том смысле, что... *ещё* ближе к концу?

– Точно ближе.

– А это «точно» – не зависть? Вам-то не хочется быть ближе к концу?

Он усмехнулся.

Атмосфера за столом не изменилась. Стайки по интересам функционировали в прежнем режиме, милая Людочка что-то нашёптывала на ушко в конец осовевшему юбиляру... Правда, провинившийся Физик со своей синеглазой брюнеткой куда-то исчез, зато уровень жидкости в бутылке коньяка остался неизменным.

– По половинке?

Я не возражал.

– Так в чём же их отличие-то? – решил всё-таки продолжить тему после формальной паузы, полагающейся для пережёвывания закуски, Николай.

– Да – в чём... Знаете... Мне, как раз, когда я срочную отслужил и только вернулся... с матушкой моею в ту самую Кержинку – вы упоминали – поехать пришлось. По печальному поводу – умерла её сводная сестра, тётя Наташа. Она одинокая была, жила себе тихонечко – и умерла... в хатке такой... Раньше-то я у неё только один раз был, маленьким совсем, а тут, в более – менее взрослом состоянии... Так-то мы в Кержинку наведывались, но заезжали к другой сводной сестре, Ганне – у той и семья, и дом по тем временам хороший... Когда приезжали, и тётя Наташа к ней заходила с нами повидаться... Ну, по крайней мере, я почему-то у неё в доме не был, а тут зашли с матерью... В общем, как сейчас принято говорить – это был культурный шок.

– Что же там... такого?

– Ну... Вокруг домики под железными крышами, палисадники... Где-то мотоцикл у двора стоит, машина даже... А тут – плетень покосившийся... Среди вишен, за плетнём, хатка низенькая, беленькая, вроде как тоже покосившаяся, под высокой крышей, соломенной, труба белая из соломы торчит... Дело летом было, как раз вишни созрели. Дверь дощатая в хатку – я роста невысокого, а согнуться пришлось, чтобы войти. Крошечные сени, ещё дверь – и единственная комната, с печью на целую её треть.

– Типа студия, – усмехнулся Николай.

– Типа... Только пол земляной... Стол из выскобленных досок сколочен, у стены за столом лавка. Стены неровные, мелом побеленные, как руками лепили... Окошко крохотное на четыре стёклышка... Нет – два окошка. Иконки в углу, на полочке... Единственный анахронизм – кровать железная никелированная с высокой периной, подушками, кружевом каким-то аккуратно застелена – я думаю, тётка моя больше на печи спала. Вообще чистенько так, даже на полу, хоть и земляной. Да... Так что меня поразило – потолка не было. Вот прямо солома над головою, как шалаш. А! И ещё анахронизм – лампочка на проводе с потолочной балки свисает... Потолочные-то балки – да просто жерди ошкуренные – есть, понятно, без них же крышу не поставишь, а на балках – до них рукой достать можно – пучки с травами на гвоздиках висят, сушатся и пахнут. Вообще странно так говорить о запахе, но мне запах запомнился. Словами-то не передать – но тёплый такой, пряный... И лучик света сквозь крышу каким-то образом пробился когда мы там были, и прямо на иконки... Вроде бедно всё до слёз, и плохо, а мне вдруг так хорошо показалось... До сих пор всё помню. В деталях. Тётю Наташу от дома Ганны провожали... Наверное, она болела и там умерла, и мы с мамой в этот домик просто так пришли, с местом попрощаться. Домик-то долго не мог простоять – стены каждый год мазать надо, потому как – *мазанка*. Крышу поправлять, зимой топить. Так и ока-

залось – долго не простоял, колхоз кому-то участок потом прирезал... А теперь и самой Кержинки считай нет.

– Да, я такие хатки не застал... только на картинках видел, – согласился Николай, – наверное, романтично. Пастораль. Но жалеть особо нечего, на самом-то деле. Одно дело – на экскурсию сходить, а другое – каждый год мазать, поправлять, печь эту грёбаную топить и дожидаться, когда от уголька какого сгорит вся эта красота к чёртовой матери... Кержинку и правда жалко – не пережила укрупнений... Живописное место. Мы туда на пруд, что внизу, под кладбищем, с пацанами бегали – карасей дёргать. Комаров там, правда! Тоже до сих пор помню. Да... Так мы – про *отличие*?

– Так и я про него...

– Не уловил...

– Дом, который я знаю – с потолком и прочей роскошью, вроде пола из досок – бабушке моей после войны колхоз поставил. Он и сейчас пока стоит. Подразвалился правда, за сорок-то лет... Там теперь летом чья-то чужая бабушка гостит, а зимой дом пустует... Но не суть. Так я думаю, что этот дом вместо вот такой же хатки поставлен был, и в ней они втроем – с мамой и тётёй Клавой, до войны и жили.

– Так их же три сестры было? – удивился Николай.

– Люба до войны замуж вышла.

– А... Понятно. Так – и?..

– Да... Ну вот, жили они втроем – в комнате в стиле шалаша – правда с большой печкой, на которой можно спать...

Лампочка Ильича на потолочной балке, как у тёти Наташи, если и висела, то светила часа два после захода солнца, а потом гасла в силу дефицита солярки, а так – лампа керосиновая, у которой Шура тетрадки и проверяла, а Клава учебники листала... И скажите теперь, особенно с учётом вашего замечания о том, что *жалеть особо нечего* ну и так далее... Вы можете представить свою жизнь в таком вот доме, без интернета... и дальше, по нисходящей – без телевизора, без радио, без телефона, газет... Хотя, наверное, при школе или клубе какая-то библиотека была, а у правления – стенд с газетой... Лектор из района раз в месяц приедет, расскажет, что в мире делается, парторг разъяснит – у них же в правлении телефонная связь с районом... Вам легче представить, чем многим прочим согражданам – ваша бабушка, наверное, так же жила и что-то рассказывала. Так представляете, а?

Николай, похоже, был озадачен, пребывал в недоумении, впал в ступор и потому отделался несколькими эмоциональными оценками, приправленными междометиями.

– Эка вы... напористо! Ну... представить-то всё можно... Можно ли выжить, что ли, упав... так сказать... с вершин цивилизации?

– Ну... Упав, или поднявшись... Куда идём – это отдельно.

– *Так* даже... Вы против прогресса?

Я решил не прикидываться городским сумасшедшим ради минуты славы.

– Боже упаси... Скорее, против прогресса *ради* прогресса... и любой ценой.

– Ну, слава Богу, – развеселился Николай, – а то я уже подумал, что по ночам вы ломаете ткацкие станки и метаете пращой камни в передатчики на сотовых вышках.

– Не, теперь принято просто в фольгу заворачиваться. Но я – только по пятницам, когда выпью.

Мы неожиданно дружно рассмеялись, сбросив напряжение, которое обычно рождает полемика.

– По половинке?

– Пожалуй...

Я решил, что полемические приёмы в этом общении и вправду – лишнее.

– Я, на самом деле, имел в виду способ их жизни, который совсем не совпадает... с тем... как мы живём. Вот Шура с матерью и сестрой вот так вот жили... На земляном полу, если образно. И односельчане их – так же. И не могли они не ощущать себя частью земли, из которой они выросли, как морковка на их грядке, вишня в их саду или какой-нибудь репейник на обочине. Они – все вместе, народ. Для них, как в эпосе, их земля и вправду матерью была... Мать нормальные люди защищают. А для нас, нынешних, она – что? Место прописки? Территория? Источник ресурсов? Страшновато, если для большинства уже.

Николай помолчал задумчиво, глядя куда-то поверх голов совсем покрасневшихся дам, сидевших слева наискосок

и продолжавших напряжённо и громко шептаться, и не торопясь проговорил:

– Ну, насчет земляного пола и морковки не знаю... Только человек – это же общественное животное, и поэтому думаю, что газета на стенде у правления, техникум в Острожке... О чём ещё вы там говорили, кроме хаты... Это важнее. Для человека важно, в какой информации он варится, потому что ежели человеческой информации для него нет – то он... Маугли. Так что... Историю хотите?

Я не возражал.

– Учиться я приехал в самый раз на излёте Союза. Три года ему оставалось, о чем, как вы помните конечно, никто тогда и не думал, а мне тогда... постойте, да... и восемнадцать не исполнилось, я вообще, как теперь понимаю, ни о чём тогда не думал, а всё больше рефлексировал и страдал от прыщиков. Перестройка в разгаре, Михал Сергеич по телевизору про новое мышление режет... А мне что, я из колхоза... с направлением на руках от райкома комсомола – мол, активный участник, и даже лауреат межрайонных конкурсов, с той самой «Рябинушкой»... Ну, комсомол тогда ещё уважали, поэтому экзамены кое-как, по рабоче-крестьянски, я сдал и заселился в общежитие. Понятно, осенью на картошку... Днём на грядках, а вечером костёр, самогоночка, и достаточно желающих продемонстрировать индивидуальность свою творческую. Я-то, конечно, со своими плясовыми «...

Я по жёрдочке шла...», не высовывался...

– Виолончелисты тоже молчали? – усмехнулся я.

– Отчего же. Но не о том... В первый же вечер, у костра я эту пару и увидел – красивый такой, рослый чернявый парень, в меру лохматый, и девчонка... Они тогда уже на третьем курсе были. Как оказалось – женаты, ещё на втором курсе поженились. Да! А девчонка, кстати, как раз виолончелистка. Говорят, её сам Ростропович хвалил. И вот, народ загалдел – приглашают кого-то – и вышли они к костру, он с гитарой – я ещё удивился, никогда таких не видел – дека лаковая, гриф тонкий, с инкрустацией, ремень широкий, а не верёвочка какая-нибудь... И вот, встал он у костра, ноги пошире расставил, девчонка рядышком на землю села, коленки руками обхватила, смотрит на него большими влюблёнными глазами, в которых пламя костра отблескивает. Волосы, распущенные чуть не до пояса... А он как начал... Голос неплохой, гитарой владеет, глаза горят... Я такого и не слышал раньше – оказалось, из репертуара Цоя. Мне ребята объяснили, типа внимай деревня – русский рок! Сказали, парень этот в местной группе играет... Название не помню, но по тем временам известная была... Они пораньше Шнура под музыку заматерились, и даже более мерзко... И вот, публика в транс, тем более – поддатые все... Сидят на травке, раскачиваются, смотрят на исполнителя влюблёнными глазами, как та девчонка... А она уже встала, руки над голову подняла... Фигурка тоненькая такая, костёр через неё просвечива-

ет... И начала вокруг парня танцевать – извиваться так, как в индийских фильмах. И я чувствую, что тоже раскачиваюсь, под «Алюминиевые огурцы», хотя смысла этих «Огурцов» и не улавливаю. Но балдею, расчёсывая прыщик... В общем, акт искусства. И вот, когда дошёл чернявый до «Мы ждём перемен», все орать начали – «Пе-ре-мен!» – как бешеные, и я вместе со всеми. Просто слово. Даже не слово, а вопль без смысла, но зато объединяющий. Для меня смысла точно не было – каких перемен, на хрен? Ни о каких переменах я не думал, у меня их и так в избытке тогда было – вчера ещё быкам хвосты крутил... Но если бы тогда кто-то к костру вышел бы и сказал: – «Товарищи дорогие, зачем лихо будите? Не нужны вам никакие перемены, учитесь себе спокойно, на благо родины и своё...», – я бы того гада, и нормального человека одновременно, лично ногами бы бил...

Николай помолчал немного, словно пытаюсь понять, что же такое с ним приключилось тогда.

Хотя я и думал, что он давно понял, иначе не стал бы рассказывать свою историю, но всё-таки заметил:

– Эффект толпы... Деперсонализация, – неожиданно я вспомнил интересное словцо, – говорят, что чем больше толпа, тем больше эффект, особенно, ежели персона не слишком-то и сформировалась...

– Да там и толпа-то не Бог весть какая была. Человек сто... Но, тем не менее, да... – согласился он, – самое интересное, что Цой ведь про другие перемены – не про те, о которых

мы орали, или же сейчас продолжают орать – излагал. Он же про себя пел... Это я сейчас, если хотите, как этномузыколог заявляю. Достаточно просто текст внимательно прочитать... «Больше нет ничего, всё находится в нас...». Ведь и правда, легче крушить всё вокруг, чем изменить свою жизнь. Так и тянем... до последнего.

– Может, оттого и умер? В каком-то смысле, вовремя. Ну... чтобы остаться, а не стереться в прах... заживо.

– Эк вы... Двусмысленно. Хотя да, многие стёрлись, при всём благополучии... Но я продолжу? Потом я с этим парнем... Витёк звали... познакомился шапочно – они с женою в общаге жили, им комнату выделили. Ну и на кухне там пересекались... Слово за слово, тем более что посылки от родителей мне пока приходили, что ж не угостить... Он на театральном учился. В общем, симпатичный парень, но иногда... Стоит, в кастрюле ложкой мешает и бубнит: – «Совдепия эта... Лучше б они нас завоевали... Пили бы щас баварское с сосисками...». Я больше молчал тогда, хоть и неприятно было. Всё-таки, имя моего деда на памятнике в Татарниках, в списке погибших, я к этому трепетно всегда... Так, возражал иногда вяло, мол с чего бы им нас пивом поить, проще за Урал загнать и ждать, пока не передохнем. А он, с энтузиазмом непонятным: – «Да кому мы нужны, завоевывать нас... У них там и так богатство, культура... Сила!». Но в общем, парень доброжелательный был, на концерты группы своей приглашал. Я соглашался, но не шёл, пото-

му что воспоминания об этой самой деперсонализации мне в итоге не понравились. Видимо я так и оставался в душе колхозником и лошарой, ну и потихоньку становился этно-музыкологом, о чём – и о том, и о другом – не жалею вовсе...

– Это, наверное, на уровне генов. Пьют, считай все, но не все спиваются, только какой-то процент...

– Может быть. Так вот, время шло, я уже на третьем курсе был, а женатики мои учиться закончили, но Витёк иногда в общагу забегал. И вот... Это осенью было, в ноябре, кажется... Прибегает Витёк с выпученными глазами: – «Пацаны, Ельцин приехал, в шесть часов на площади митинг!». Ну, идти многие решили – им же перемен срочно надо... Я тоже пошёл, но, как к площади подходили, я отчего-то о-очень в толпу не захотел... Потом, говорили, что сто тысяч собралось... Так – на подходе остановился и смотрел... Люди мимо шли, и – страшно... Лица у всех одинаковые, как морды у коров в стаде. Я потом начал интересоваться и обнаружил, что слово «массы»... Помните? «Широкие массы трудящихся...» там, и всё такое, что относится к революционной риторике – это ведь всё довольно цинично и двусмысленно. Так вот, секретарь Сталина, Бажанов был такой... Так вот, он писал, что книга «Психология масс» была одной из настольных книг Ленина. Автор книги – Ле Бон, французский антрополог, социолог, и... в общем, там специальностей длинный список. Популярный на рубеже веков персонаж... А основной из идей книги, безусловно гениальных,

было то, что всякое скопление людей является «массой», основной особенностью которой является утрата способности к самостоятельному мышлению, и даже вообще утрата личности. Для чьего блага это знание Ильич, как конечно большой учёный, использовал – это отдельный вопрос, но – согласитесь? По Ле Бону, основные свойства толпы – это анонимность, в том смысле, что безнаказанность, распространение мнения по принципу распространения заразы, внушаемость до такой степени, что толпу можно заставить видеть даже то, чего нет на самом деле и, что характерно, стремление *немедленно* претворить свои идеи в жизнь. Правда – здорово?

Можно было подумать, что у Николая в руках для нашего разговора заранее приготовлен конспект, но конспекта никакого не было. Видимо, и вправду у него память от бабушки по наследству, подумал я с завистью и согласился, неожиданно для себя, изложив согласие в форме некоего афоризма:

– Вообще, по итогам этих наших девяностых... или же событий у соседей... я думаю, что конец света – это и есть идеальная революция, методы которой сейчас совершенствуются до уровня банальной технологии.

– О! Красиво, красиво... – польстил мне Николай, – осталось сказать, в чьих интересах совершенствуются.

– Ну, *конец света*... Понятно, в чьих.

– Тогда, чтобы не состоялся?

– По половиночке...

Мы помолчали.

– Ну и что же этот Витёк? – наконец спросил я.

– Да дальше грустно всё... Доучивался я уже после р-р-рэволюции, – слово «революция» Николай прорычал, – так что, если бы не передачи с родительского хозяйства, наверное, и недоучился бы. В общем, сумбур. Витёк иногда забегал, что-то говорил о «долбаном совке», открывшихся *широких* возможностях... На слово «широкие» он как-то по-особенному напирал, словно в этом слове, как в модной барсетке, лежал ключ от его будущего счастья. Потом пропал куда-то. Тогда ещё практика распределения до конца не развалилась, а у меня ж ещё направление было... Вот и отправили меня в мой район, начальником клуба в село, недалеко от Татарников. Там покантовался года три... как говорится, – «хлебом крестьянки кормили меня»... Потом в район перебрался. В область только в начале двухтысячных вернулся, учился на вечернем, работал по этой самой линии культуры... не важно. Конечно, с однокурсниками встречался, говорили о том, о сём... И про Витька говорили, всё-таки – персонаж!

– И что же?

– В общем, на рокерском, а заодно семейном фронте, у него не заладилось что-то. Развелись они, когда мы ещё учились – бухал, говорят, крепко. Потом – тогда он ещё в группе своей матерщинной играл – решил бизнес какой-то открыть, в связи с надо полагать открывшимися *широкими*

возможностями... По слухам, на счетчик Витька поставили – он от побоев полгода лечился, квартиру родительскую продал, ну а в группу назад его уже не взяли по какой-то причине... Встречали в конце девяностых на рынке – джинсами торговал, и выглядел, говорят, хреново... Ну а потом... потом с концами, никто не знает, чем дело кончилось. Ну, за помин однако пить не будем – вдруг живой, и теперь пиво баварскими сосисками закусывает?

– На доньшко только, ладно?.. А с моей легендой что же?

– Ах, да... Итак, повстречалась Шура на войне с лётчиком, и полюбили они друг друга. Только вскоре Шуре пришлось домой вернуться, потому что Татарники её от фрица освободили. Ну, а лётчику с товарищами надо было дальше фашиста гнать, до самого его логова. И, когда прощались они, лётчик обещал Шуру непременно после войны найти и унести из Татарников на своём самолёте...

Мы выпили и вновь помолчали.

4. Бойкие дворики. Ноябрь, 1942

– Ну что, *осознал* что ли, товарищ старший сержант?

Подошедший со спины и с усмешкою задавший этот вопрос офицер был одет в армейские полушубок и шапку – и то сказать, когда пять дней назад, на построении, комполка товарищ майор Редькин с Октябрьскими поздравлял, и зачитал обращение товарища Сталина про скорый праздник на нашей улице, тогда ещё слякоть была, а теперь морозяки за двадцать – только из-под щегольски распахнутого ворота полушубка многозначительно поблескивала «шпала» на ярко-красном фоне. Рядом, с движком ночного бомбардировщика У-2ЛНБ, стоявшего посреди чистого поля в ряду из ещё таких же пяти машин, возился механик Петро в промасленном ватнике и ушанке, завязанной под подбородком, демонстративно делая вид, что разговор этот вообще не его дело, ну а старший сержант Михаил Максюта только что по свежему, скрипучему, придавленному позёмкой снегу подкативший к правому перкалевому крылу биплана тележку с двумя пятидесятикилограммовыми бомбами, должен был отвечать.

– Так точно! Осознал, товарищ лейтенант НКВД! – ответил, повернувшись кругом, старший сержант спокойно и негромко. Ответ вроде бы и по уставу – не придерёшься, но как-то излишне, по ощущению лейтенанта, незави-

симо прозвучал. Наверное, именно потому, что – спокойно и негромко. И выглядел сержант совсем не так, как следовало бы выглядеть человеку, нанёсшему телесные повреждения сотруднику НКВД *при исполнении* – среднего роста, худющий, даже в ватнике видно, какой худющий, щёки впалые, чёрный чуб из-под шапки, лицо побито оспой, а глаза жёлтые, как у кота. Жилистый, небось... Вообще-то, к старшему сержанту у лейтенанта особых претензий пока не было – службу исполняет аккуратно, дисциплину не нарушает, но! Виноват, и обязан это понять. А летать хочешь – так докажи, что исправился. Уж он то, лейтенант Герасимов, за пять лет службы по авиаполкам насмотрелся на этих пацанов, набиравших, как говорится полон рот земли по причине собственного разгильдяйства... Авиация – штука строгая. С другой стороны, нормальный вроде парень, и случай не совсем тот. В лётную школу из шахтёров поступил... Судя по бумагам, месяц назад, во Владимировке, за Волгой, где полк Максюты находился на перестроении, у него возник конфликт с начальником патруля в звании... странно всё же звучит, надо же такое придумать... *кандидата на звание* НКВД. В результате последний получил телесные повреждения, а Максюту задержан. Впрочем, действия начальника патруля позже были признаны не вполне правомерными, что тот при разбирательстве и признал, тем более и свидетели не побоялись, подтвердили в своих показаниях обстоятельства... Поэтому лётчика Михаила Максюту после недельной

отсидки на гауптвахте не под трибунал отправили, а только бессрочно отстранили от полётов и перевели в полк вновь сформированной воздушной армии на должность стрелка вооружения, под его, собственно, лейтенанта Герасимова, наблюдение. Конечно, очень похоже, что за сержанта кто-то ещё кроме его товарищей вступился, иначе не избежал бы военно-полевого суда. А с другой стороны, чтобы вступились – такое тоже заслужить надо... В общем, история тёмная и потому любопытная.

– Хм. Ну, коли осознал, товарищ старший сержант, тогда объясните мне свои действия в отношении начальника патруля. Что произошло – как *вы* это понимаете?

Михаил посмотрел на лейтенанта недоверчиво. Ну, вроде, впечатления тыловой крысы не производит – лет за сорок, в отцы – не в отцы, всё-таки Михаилу уже двадцать четыре, но... подтянутый, лицо осунувшееся и обветренное... Как понимаете... А что здесь понимать? В боях за Ростов в полку Максюты выбили половину лётного состава и почти всю матчасть. Сам Михаил сбил над Таганрогским заливом «Юнкерс», но пока он давил на гашетки, в хвост его «ишачку» зашёл «Мессер» и длинной очередью разбил стабилизатор и зажёг движок. Пришлось, глотая мерзкую маслянистую копоть, тянуть к берегу и прыгать. Повезло хоть, что ветром не снесло в плавни, из которых хрен бы выбрался... Да, повезло, или... О своей зависимости от каких-то внешних сил комсомольцу Максюте думать не хотелось, несмот-

ря на постоянное ощущение невероятности происходившего. Ну, а потом месяц отступления по выжженным солнцем степям, короткая остановка – как говорил политрук, на родине товарища Будённого в станице Пролетарской – и переправа через Волгу под непрекращающимися бомбёжками. И эта Владимировка – длинная пропыленная деревня, вытянувшаяся вдоль разбитой дороги, шедшей по левому берегу реки Ахтубы. По дороге с фронта тянулись в госпитали унылые обозы с ранеными, а к Сталинграду, от станции только что построенной рокадной железной дороги, пёр непрекращающийся поток новой техники и необстрелянных ещё воинских частей, состоявших по большей части из деревенских пацанов, не нюхавших порошу, но зато упрямо верящих в Победу, пусть и ценою их жизни... За Владимировкой организовали аэродром – говорят, даже не один – на который должны были пригнать из-за Урала новые самолёты, МиГ-1, или даже ЛАГГ-3, ну а там – пять лётных часов переучивания – и на фронт, бить фрица, или погибать... если на то Его воля, ну, а коли по-комсомольски нейтрально – то судьба. Только очередь их полка всё не приходила и лётчики вечером, после бестолковых, раздражающе теоретических занятий или ещё хуже, строевой, выходили бывало из расположения, и не всегда, понятно, с праведными целями. У местных можно было купить самогонки, или рыбки, в изобилии водившейся в реке Ахтубе, чтобы разнообразить казённое меню. Вот тогда, в конце сентября, и пошли они с другом Лёш-

кой и фотолаборантом Катюшей, к которой Лёшка неровно дышал и постоянно придумывал поводы, чтобы побыть с нею рядышком... Пошли за рыбкой, к деду Семёну, который на своей плоскодонке, наплевав на войну, бесстрашно выезжал в многочисленные протоки реки и всегда был с уловом. У деда можно было и посидеть по-человечески, забыв хотя бы на час... Да какое, к чёрту, забыть? Можно было только *притушить* боль и тревогу. Горловка его под немцем... Ну, братья – ладно. Небось призвали... Брат Фёдор, тот ещё с сорок первого, офицер... Старший, Дмитрий, Володька с Васей – тут понятно всё, закон и долг... А сестра Талочка – такая нежная и смешливая? А мама? Не было у Михаила сомнения, что, когда «Мессер» молотил по нему из своих пушек, он молотил и по его маме, и по сестричке Талочке, и по братьям. Что вы, родные – *как вы?* Даже думать обо всём этом было тошно, а уж сидеть без дела и ждать... Поэтому, когда патруль остановил их на этой улице-дороге деревни Владимировки, и этот *кандидат на звание* костерил их – мол, ни шагу назад – обидно было... Кому говоришь-то? Ну, хреново тебе – так что, только тебе, что ли? Ладно...

– Товарищ кандидат документы проверил, как положено, а потом выговаривать начал – мол, приказ товарища Сталина «ни шагу назад», а мы в этой Владимировке вроде как от войны прячемся... а его товарищи по полку НКВД почти все в Ростове летом полегли... А что же нам делать, если техники нет? Прикажут – и в рукопашную пойдём... Только

он сам себя распалил, и в драку полез.

– То есть как это, в драку? – озадаченно воскликнул лейтенант, уже пожалев, что затеял своё расследование, в котором теперь придётся принимать чью-то сторону, хотя бы и только для себя самого.

– Мы там втроем были, с девушкой... Извините, с фотолаборантом младшим сержантом Евдокимовой. Документы у нас были в порядке... Если честно, товарищ лейтенант, просто не повезло товарищу кандидату.

Это прозвучало дерзко и двусмысленно.

– Что значит, не повезло?!

– Он распалился, и зачем-то решил именно меня... с правой... в висок ударить. А у меня реакция на удар поставлена. В общем, двоечка ему прилетела. Товарищ лейтенант, там и повреждений особых не было... Знаете, если точно в подбородок... Тут главное не сильно, а точно... Просто – нокаут.

Старший сержант говорил всё так же спокойно и негромко, при слове «нокаут» слегка пожал плечами – мол, ну а что же вы хотели, обычное дело – но теперь его слова, к некоторой даже досаде, не казались излишне независимыми, а вызвали доверие и симпатию. К тому же лейтенанту Герасимову, как человеку опытному, уже вполне очевидно стало, почему в висок полетело именно этому сержанту – стоит вот так же, спокойненько, негромко на вопросы по уставу отвечает, глазами не ест... Конечно, и не обязан

есть – не царское время. Советский военнослужащий – сознательный воин... Девушка рядом стоит, и смотрит с неприязнью... Да. Кто хочешь взбесится... то есть, конечно, если на душе *непорядок*. А «двоячка» – это что ж? Это, в конце концов, нормальная реакция мужика. Такому как раз и воевать... Кому ж ещё – младшему сержанту *Евдокимовой*, что ли?

Лейтенант покосился на правую ладонь, видневшуюся из-под потёртого края рукава ватника Максюты – широкая, с какими-то... примятыми, что ли... костяшками. И прямой от рождения нос немного набок... Похоже, вправду долго удар наработывал.

– Боксёр?

– Занимался, товарищ лейтенант. В лёгком весе...

– Полезный спорт. И всё-таки... вы должны были себя контролировать. Реакция у него поставлена... Сейчас война, у каждого оружие в руках, и если распускать себя... так на то – законы военного времени. Повезло тебе, сержант, в другой раз может и не повезти. И знаете, что ещё... В июле и вправду полк НКВД героически полёг в Ростове... не байка. И если... тот кандидат... был там... понимать должен!

Лейтенант говорил сурово и многозначительно, впрочем, как и полагалось по должности.

– Виноват, товарищ лейтенант НКВД.

– Понимай, что виноват, раз летать хочешь. Хочешь ведь?

– Так точно.

Лейтенант повернулся и, в некотором смятении из-за и нарушившегося плана воспитательной беседы, пошёл прочь, буркнув на ходу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.